

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-1

Пандемия и кризис системы международных отношений

Алексей Анатольевич ГРОМЫКО

член-корреспондент РАН, доктор политических наук, председатель Ассоциации европейских исследований (АЕВИС), директор Институт Европы РАН, 125009, ул. Моховая, д. 11, стр. 3, Москва, Российская Федерация

E-mail: alexey@gromyko.ru

ORCID: 0000-0003-4228-1552

ЦИТИРОВАНИЕ: Громько Ал.А. (2020) Пандемия и кризис системы международных отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 5. С. 6–19. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-1

Статья поступила в редакцию 20.09.2020.

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрен ряд ключевых проблем в системе международных отношений с учетом фактора пандемии COVID-19. Показано, что вызванные ею события, получившие название «коронакризис», напрямую затрагивают сферу глобальных экономических (панденомика) и политических противоречий, включая проблематику безопасности. Именно эти аспекты выбраны в качестве главных объектов исследования. Отмечено, что фактор пандемии спровоцировал ускорение противостояния региональных и глобальных игроков, усилил роль института национального государства. В условиях деглобализации на трансрегиональном уровне под лозунгами «стратегической уязвимости» и «экономического суверенитета» продолжают усиливаться регионализм и «протекционизм 2.0», происходит дальнейшее ослабление многосторонних международных институтов. На этом фоне конкурентных преимуществ стремится добиться Евросоюз с помощью деофшоризации производ-

ства, промышленной политики и «зеленой сделки». В статье отмечается ухудшение состояния дел между Россией, Китаем, США и ЕС. Автор выявляет дальнейшие тенденции по стратегической расстыковке США и их европейских союзников, обращает внимание на стимулы по реализации принципа «стратегической автономии» Брюсселя. Указано на острую необходимость деконфликтации в отношениях России и НАТО.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: COVID-19, коронакризис, панденомика, деглобализация, протекционизм, стратегическая уязвимость, экономический суверенитет, деконфликтация, Россия, Евросоюз, США, Китай

С тех пор как коронавирус COVID-19 распространился по планете, прошло по историческим меркам совсем мало времени. Но истекшие месяцы стали, пожалуй, наиболее плотным отрезком за много лет, перенасыщенным множеством в основном негатив-

ных процессов, большинство из которых лишь ускорило свой бег. Пандемия не обошла стороной ни одно значимое измерение жизни – от состояния здоровья человечества до мировой экономики и политики, от ситуации в гуманитарной и социальной сфере до военной. Причем принципиальных изменений в большинстве из этих областей новое опасное заболевание ни прямо, ни косвенно не принесло; оно, скорее, стало своего рода катализатором, который сделал существовавшие и до него тренды регионального и мирового развития более выраженными и укорененными.

Большинство из этих трендов имеют кризисный характер, поэтому вполне уместен вошедший в широкий обиход термин «коронакризис» как олицетворение кризисного состояния дел в мире сквозь призму сугубо медицинской проблемы. Уже с уверенностью можно сказать, что реакция мирового сообщества на пандемию не привела к результату, который с точки зрения здравого смысла можно было ожидать. Такое явление, как массовое заболевание, тем более пандемия, представляет собой вызов, который не проистекает из каких-либо социально-экономических или политических разногласий, и поэтому обуславливает по всем законам жизни проявление солидарности, эмпатии, консолидации усилий. Оставим в стороне конспирологические версии о происхождении COVID-19. По своей природе такой кризис должен не разъединять, а объединять людей и страны, подталкивать их не к противостоянию, а к сглаживанию противоречий, хотя бы к временному смягчению конфликтов.

Смысл создания Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в 1948 г.

как специализированного учреждения ООН состоял во вкладе в послевоенное строительство глобальных механизмов сотрудничества, коллективных действий. По всем канонам пандемия 2020 г. на фоне человеческих драм и трагедий могла сыграть в пользу центристических усилий в мире, а не сделать еще глубже политические расколы и выше – барьеры к взаимовыгодному сотрудничеству между государствами и их объединениями. Но этого не случилось. Напротив, последние полгода мы наблюдаем картину прямо противоположную.

Новое заболевание быстро вышло за рамки проблемы коронавируса, превратившись в индустриальный коронакризис, имеющий мало общего с борьбой за здоровье миллионов людей. Одной из его граней стало геополитическое измерение пандемии. В данном случае мы используем понятие «геополитический» не столько в его первоначальном смысле времен классиков мировой геополитики, а как вездесущее в наше время обозначение резкого возрастания соперничества между центрами силы, отдавая дань современной терминологии, описывающей состояние дел в мире.

Сегодня налицо не только масса событий, которые как снежный ком облепили факт, имевший место в уже не близком декабре 2019 г. и интересный прежде всего для вирусологов (регистрация первой вспышки неизвестного вируса в китайском городе Ухань), но и вал отечественной литературы, экспертных мнений, оценивающих последствия пандемии с точки зрения большой экономики и политики, международных отношений, глобальных процессов, не говоря уже о страновых исследованиях¹.

¹ Например, см.: [Дынкин, Телегина 2020, с. 5–16; Громько (1) 2020, с. 24–38; Громько (2) 2020, с. 71–77; Громько (3) 2020, с. 4–13; Шумилин 2020, с. 14–21; Белов (1) 2020, с. 4–12; Данилов 2020, с. 21–27; Щербак 2020, с. 28–33; Потемкина 2020, с. 89–94; Рубинский, Синдеев 2020, с. 16–24].

То же можно сказать об интересе за рубежом к этой теме, которая стала жить своей жизнью, являясь не только причиной для рассуждений, но часто поводом, призванным обосновать точки зрения на процессы, имевшие место задолго до COVID-19. В данной статье среди массы аспектов кризиса системы международных отношений, многие из которых получили дополнительный импульс в результате пандемии, внимание сосредоточено на феномене пандемии и дальнейшей коррозии в сфере жесткой безопасности.

Пришествие пандемии

В основе ожесточения конкуренции на международной арене лежат прежде всего экономические причины. Закон «взлета и падения великих держав» продолжает действовать и в XXI в. Пандемия нанесла сильнейший удар по глобализации, по цепочкам создания стоимости, по мировой торговле, резко усилив протекционистские настроения, неравномерность развития между странами и регионами. Модно стало рассуждать об «экономическом суверенитете». COVID-19 (точнее, политическая реакция на него) лишь усугубил эти процессы, а не явился их причиной. Дальнейшей дискредитации подверглась неоллиберальная модель глобализации, функционирование которой со всей очевидностью уже поставила под вопрос Вели-

кая рецессия 2008-го и последующих годов.

Спад мирового ВВП в 2020 г., согласно летнему экономическому прогнозу Еврокомиссии, достигнет 4% мирового ВВП, причем ВВП ЕС сократится на 8,3%, а ВВП стран зоны евро – на 8,7%². Данные МВФ еще больше обескураживают: прогнозируются сокращения мирового ВВП на 4,9%, ВВП зоны евро – на 10,2%, США – на 8%, России – на 6,6%. При этом экономика Китая в текущем году покажет рост в 1% с резким ускорением в следующем году³. По мнению специалистов Всемирного банка, ситуация еще хуже: падение мирового ВВП в 2020 г. составит 5,2%⁴. Но и это не самый пессимистический прогноз: ОЭСР предвидит снижение мировой экономики почти на 6%, и то в случае, если не будет второй волны пандемии⁵.

Теперь уже несомненно, что преодоление новой мировой рецессии станет возможным не ранее 2022 г., и для большинства стран стоит проститься с надеждой на V-образный выход из кризиса. Дополнительные системные риски для Евросоюза таятся в неопределенности процесса выхода Британии из его состава. Переговоры между Брюсселем и Лондоном идут крайне тяжело, и все сильнее опасения, что случится «жесткий постбрекзит» по модальностям отношений между ЕС и Соединенным Королевством. По объективным причинам Британия находится, по сравнению с превышающим ее в несколько раз Единым рынком ЕС, в значитель-

2 Summer 2020 Economic Forecast: A Deeper Recession with Wider Divergences (2020) // European Commission, July 7, 2020 // https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/economic-performance-and-forecasts/economic-forecasts/summer-2020-economic-forecast-deeper-recession-wider-divergences_en, дата обращения 15.10.2020.

3 World Economic Outlook Update (2020) // IMF, June 2020 // <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/06/24/WEOUpdateJune2020>, дата обращения 15.10.2020.

4 Global Economic Prospects (2020) // The World Bank, June 2020 // <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33748>, дата обращения 15.10.2020.

5 Economic Outlook – EO107 – 2 Scenarios // OECD // https://stats.oecd.org/viewhtml.aspx?datasetcode=EO_EDITIONS&lang=en, дата обращения 15.10.2020.

но менее выгодном положении. Управление по бюджетной ответственности страны характеризует спад британской экономики как самый глубокий за 300 лет и предвидит уход национально-го ВВП в минус минимум на 10%⁶.

В создавшейся тяжелой экономической ситуации власти ЕС продолжают настаивать на том, что провозглашенная в конце 2019 г. концепция перехода Единого рынка на рельсы «зеленой экономики»⁷ не подлежит пересмотру и к 2050 г. объединение 27 стран достигнет своей цели – переход к экономике с нулевым балансом выбросов углерода. Пока нет ответа на вопрос, за счет каких реальных средств такая модернизация будет проведена с учетом огромных трат на борьбу с последствиями пандемии, резкого роста бюджетных дефицитов и особенно государственных долгов. Высока вероятность того, что претворение в жизнь «зеленой сделки» во многом будет иметь протекционистскую подноготную для борьбы с конкурентами. С этой точки зрения особое внимание привлекает «углеродный налог» ЕС, который планируют взимать с иностранной продукции, произведенной с высоким уровнем выбросов парниковых газов, т. е. фактически речь идет о тарифной мере по защите Единого рынка. Пока неизвестно, с какого года он начнет взиматься, однако грядущие убытки уже подсчитывают. Например, при введении этого налога с 2022 г. российские производители потеряют более 50 млрд евро до 2030 г. и более 30 млрд – при введении налога с 2025 г.⁸

В научный оборот прочно вошел термин «протекционизм 2.0» как отражение проактивной государственной политики развитых стран в условиях ужесточения международной конкуренции [Миловидов, Аскер-заде 2020, с. 37–45]. Его инструментарий использовался США и при пересмотре соглашения НАФТА, и при заключении ими первой фазы экономического и торгового соглашения с Китаем. «Углеродный налог», экономические прямые и вторичные санкции как метод борьбы с помощью недобросовестной конкуренции, защита национальных рынков по причине или под предлогом интересов безопасности укладываются в рамки «протекционизма 2.0». В этом русле ЕС активно выстраивает свою новую промышленную стратегию⁹, основанную на принципах импортозамещения, локализации и защиты своих рынков от «нежелательных» иностранных инвесторов [Белов (2) 2020]. Обстоятельства пандемии, которые ряд стран использовали для дальнейшей раскрутки антикитайской пропаганды, лишь подталкивают в этом направлении.

Среди элементов деглобализации наиболее яркой – разворачивающееся противоборство в сфере высоких технологий и обращение к политике импортозамещения. Китай осуществляет многомиллиардные инвестиции в развитие робототехники, собственного производства телекоммуникационного оборудования, микроэлектроники, оставаясь пока в сильной зависимости от внешнего мира. Так, в 2019 г. только микрочипов было импортировано

6 OBR Fiscal Sustainability Report (2020) // OBR, July 2020 // https://cdn.obr.uk/FSR2020_Pressnotice.pdf, дата обращения 15.10.2020.

7 A European Green Deal // European Commission // https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en, дата обращения 15.10.2020.

8 КPMG оценила ущерб для России от введения углеродного налога в ЕС (2020) // РБК. 7 июля 2020 // <https://www.rbc.ru/business/07/07/2020/5f0339a39a79470b2fdb51be>, дата обращения 15.10.2020.

9 European Industrial Strategy (2020) // European Commission, March 10, 2020 // https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/european-industrial-strategy_en, дата обращения 15.10.2020.

в Китай на сумму более 300 млрд долл. (15% всего импорта страны)¹⁰. «Технологический суверенитет» становится одной из главных целей «протекционизма 2.0». В эту же воронку конкуренции уже давно вовлечены социальные сети и обслуживающие их серверы, что наглядно демонстрирует история с ресурсом TikTok.

В европейских столицах все чаще говорят о «стратегической уязвимости» своих экономик, хотя на деле часто речь идет о защите интересов своих производителей нерыночными средствами. Ведущие государства ЕС под этим подразумевают в первую очередь технологическое соревнование с Китаем, а ряд восточноевропейцев – энергозависимость от России. Риторикой о защите национального производителя от внешних угроз отличается, например, Бруно Ле Мэр, министр экономики Франции. В этой связи издание «Политико» с сарказмом пишет: «Французы склонны рассматривать каждый сектор экономики как стратегический. Вспомните, сколько было шума, когда появились слухи о покупке американским производителем безалкогольных напитков PepsiCo французского производителя йогуртов Danone? Это сподвигло тогдашнего премьер-министра Доминика де Вильпена поклясться защищать “национальные интересы Франции”»¹¹. Париж рассматривает возможность возобновления деятельности в составе правительства генерального комиссариата планирования для разработки долгосрочных программ экономического развития. Впервые такая структура была создана временным правительством Франции во главе с генералом де Голлем после Второй мировой войны.

Еще более агрессивная риторика свойственна Британии, которая ужесточает правила слияния национальных компаний с иностранным бизнесом. Ожидается, что британские предприниматели будут обязаны согласовывать с правительством сделки в случае приобретения иностранцами, тем более «враждебным государством», более 25% акций, активы или интеллектуальную собственность. Под законодательство об укреплении национальной безопасности могут попасть и различные формы образовательного и академического сотрудничества. Несмотря на долгие препирательства с Вашингтоном, Лондон все же сдал свои позиции по сотрудничеству с китайской компанией Huawei и согласился отказаться от ее оборудования при развертывании телекоммуникационных сетей 5-го поколения. Судя по всему, изменить свой подход в этом вопросе Британия решила не только исходя из солидарности с США, но и в результате угрозы Белого дома понизить уровень обмена информацией с Королевством в рамках англосаксонского альянса разведок «Пять глаз».

В последние годы и десятилетия политика и экономика стали неразрывно связаны. Принципы свободного рынка, «свободной руки рыночных сил», «государства – ночного сторожа», экономического равновесия, невмешательства государства в экономические процессы остались далеко в прошлом. Несмотря на это, в западной политической экономии концептуальные сдвиги отстают от реальности еще больше, чем в области концептуализации международных отношений. То же самое можно сказать о западной теории между-

10 Disis J. (2020) A New World War over Technology // CNN, July 11, 2020 // <https://www.cnn.com/2020/07/10/tech/us-china-global-tech-war-intl-hnk/index.html>, дата обращения 15.10.2020.

11 Taylor P. (2020) Snake Oil, Quackery and Deglobalization // Politico, May 11, 2020 // <https://www.politico.eu/article/coronavirus-solutions-snake-oil-quackery-and-deglobalization/>, дата обращения 15.10.2020.

народных отношений, которая в целом остается американоцентричной, в лучшем случае западноцентричной, хотя эта проблема и привлекает к себе все большее внимание в России и за рубежом [Громыко (4) 2020, с. 6–19; Конышев 2020, с. 130–135].

Неолиберальная модель глобализации, рожденная в горниле рейганомии и тэтчеризма с опорой на идеологию «новых правых», всеми силами цепляется за свои позиции. В недалеком прошлом уже предпринимались попытки на уровне теоретических и эмпирических исследований показать ее тупиковость. В пике ей выдвигались концепции «третьего пути», стейкхолдерства, коммунитаризма и др. В связи с этим по обе стороны Атлантического океана громко звучали имена А. Этциони, Дж. Гелбрейта, Р. Путнами, Д. Маркуэнда, У. Хаттона, Дж. Плендера и др. Однако в мировой экономической мысли неолиберальное доминирование продолжалось, как и укрепление позиций мировой финансовой олигархии. Параллельно с этим показатели социального неравенства повсеместно росли; происходило расслоение и вымывание среднего класса, что позже привело к феномену «нового популизма». Один из множества ярких примеров: если в 1960-е гг. зарплата генеральных директоров крупнейших компаний США в среднем превосходила зарплату их сотрудников в 20 раз, то сегодня – в 300.

События 2008 г. (как и, несомненно, уроки пандемии и ее последствия) придали второе дыхание новой экономической мысли. В последнее время большие бреши в неолиберальной доктрине, давно во многом превратившейся в догму, пробили работы ряда исследователей, например, французского экономиста Тома Пикетти [Piketty 2014; Piketty 2019]. Если идеи таких Нобелевских лауреатов, как Р. Коуз, Г. Беккер, Р. Лукас, можно свести к тезису «рынок/ра-

циональность расставит все по своим местам», то работы П. Кругмана, А. Баттерджи, Э. Дюфло, М. Кремера, Э. Дитона во многом идут вразрез с неолиберальной парадигмой. На фоне происходящих концептуальных изменений эффект от COVID-19 способствует усилению представлений об укреплении функций государства, в первую очередь в области предоставления медицинских услуг населению, т. е. там, где рыночные механизмы и абсолютизация индивидуального интереса обнаружили свою неэффективность, а во многом и бесчеловечность.

Международная безопасность – движение вспять к «миру без правил»

Положение дел в мире продолжало ухудшаться в сфере не только глобальных угроз для здоровья людей, но и «жесткой» безопасности. И это долговременный процесс, который прослеживается с небольшими перерывами на протяжении всего времени после ухода в прошлое биполярности эпохи холодной войны. Уровень военного насилия в мире принципиально не изменился. Так, в 2015–2018 гг. в мире насчитывалось более 50 конфликтов с участием государств, что было даже больше, чем за 30 лет до этого. Учащались случаи интернационализации гражданских войн в слабых государствах, росла военная роль негосударственных игроков [Степанова 2020, с. 24–39]. С начала XXI в.кратно увеличилось количество жертв международного терроризма. Как отмечалось выше, под вопрос поставлены практически все каноны, выработанные в 1960–1990-е гг. в области контроля над вооружением и мер укрепления доверия.

Пандемия оказала сдерживающий эффект на военную активность в ми-

ре, что не скажешь о военном планировании. Ряд военных учений, в т. ч. в Европе, были отменены или уменьшены по масштабу. Произошел обмен медицинской техникой между Россией и США; принято совместное заявление о «духе Эльбы»¹² (также в июле 2020 г. подписано соглашение между Российской академией наук и Национальной академией наук США о сотрудничестве в различных областях исследований, связанных с COVID-19). Россия направила помощь в борьбе с коронавирусом нескольким странам, в т. ч. членам НАТО. Однако взаимное восприятие, точнее, неприятие, уровень недоверия таковы, что пандемия лишь временно приостановила нарастание конфронтации между Россией и Североатлантическим альянсом. Даже если НАТО под прессингом Соединенных Штатов будет сдвигаться к новым линиям противостояния в Юго-Восточной Азии, это не означает, что опасная ситуация в Европе ослабнет сама собой.

В этой ситуации важно, признавая перечисленные трудности и факт блокирования политического и, соответственно, военного диалога по линии Россия – НАТО, наращивать экспертные каналы обмена мнениями («второй трек») по самым трудным вопросам с участием российских, европейских и американских специалистов с подключением официальных лиц, совместную разработку решений по деэскалации. Приведем примеры международного проекта Института США и Канады РАН и Института Европы РАН – Диалога «Россия – НАТО: как снизить напряженность и избежать кризисов», запущенного в июне текущего года, или

проект Европейской сети лидерства (ELN) «Инициатива больших шагов»¹³, в рамках которого действует инициативная группа по вопросам деэскалации в отношениях России – НАТО.

Речь вряд ли может идти в обозримом будущем о возвращении к практике сотрудничества, что является желательным, но на сегодня идеалистическим вариантом. Нескольким больше шансов постепенно вернуться к контролируемому двустороннему сдерживанию. Но безусловный императив, претворение которого в жизнь не терпит отлагательств, – фиксация «правил игры» в условиях нынешней политики двустороннего устрашения. Надо сказать, что и сам Североатлантический альянс переживает далеко не лучшие времена. И касается это не только отношения к нему Д. Трампа или состояния дел с Турцией, но и общественного мнения стран-участниц. В период с 2007 по 2019 г. процент тех, кто положительно относится к деятельности НАТО, снизился, например, в Болгарии с 54 до 42%, в Германии – с 73 до 57%, во Франции – с 71 до 49%. В самих Соединенных Штатах этот показатель никогда не был высок, опустившись в названный период с 53 до 52%¹⁴.

Геополитическое измерение пандемии предстает ярко выраженным явлением. В основном это происходит в результате рукотворной деятельности и намеренных шагов, предпринимаемых в первую очередь Вашингтоном. «Риск со стороны наших противников не только никуда не делся, его только обострили обстоятельства пандемии», – утверждает К. Купер, помощник госсекретаря США по военно-политическим делам.

12 Совместное заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина и Президента Соединенных Штатов Америки Д. Трампа по случаю 75-й годовщины встречи на Эльбе (2020) // Президент России. 25 апреля 2020 // <http://kremlin.ru/events/president/news/63277>, дата обращения 15.10.2020.

13 'Go Big' Initiative // European Leadership Network // <https://www.europeanleadershipnetwork.org/go-big-initiative/>, дата обращения 15.10.2020.

14 Fagan M., Poushter J. (2020) NATO Seen Favorably across Member States // Pew Research Center, February 9, 2020 // <https://www.pewresearch.org/global/2020/02/09/nato-seen-favorably-across-member-states/>, дата обращения 15.10.2020.

Ему вторит Ш. Фри, заместитель генерального секретаря Европейской службы внешних связей: «Мы считаем, что COVID-19 стал мощным ускорителем тенденций, существовавших и раньше. Это усилило геополитическую напряженность, особенно между США и Китаем».¹⁵ Представители ЕС по-прежнему продолжают говорить о важности движения к «стратегической автономии», но в то же время постоянно уступают давлению Вашингтона в отношении Китая и России. Так, в июне 2020 г. на встрече министров иностранных дел ЕС и госсекретаря США М. Помпео европейцы пошли навстречу Белому дому, согласившись запустить «двусторонний диалог» по Китаю. Задолго до этого, в марте 2019 г., ЕС объявил Китай своим «системным противником»¹⁶. В западных СМИ против Пекина используют приемы, дискредитировавшие себя еще на поле антироссийских кампаний, но тем не менее по-прежнему востребованные. Так, в июле 2020 г. британские медиа сообщили, что бывший агент британских спецслужб К. Стил, подготовивший в свое время скандальное «досье» на Д. Трампа, написал доклад теперь уже о «вмешательстве» Китая во внутренние дела Соединенного Королевства.

Брюссель продолжает сидеть на двух стульях, с одной стороны, продвигая повестку Глобальной стратегии (июнь 2016 г.) и «оборонного пакта», а с другой – делает все возможное, чтобы не вызвать излишнего раздражения американцев своими претензиями на самостоятельность в политической-военной сфере. Что касается России, то ряд стран ЕС являются прямыми лоббистами Вашингтона по торпедированию проекта «Северный поток – 2». В новой страте-

гии национальной безопасности Польши, утвержденной в мае 2020 г., Россия названа основной угрозой безопасности. В схожем ключе составлена военная доктрина Румынии, принятая в июне. Европарламент в год 75-летия окончания Второй мировой войны занял открыто антироссийскую позицию по роли нашей страны в освобождении Европы. Новая волна антироссийских настроений была поднята в ЕС в связи с событиями в Беларуси. Сугубо неконструктивную позу приняли власти Германии в отношении ситуации вокруг А.А. Навального и соответствующих запросов Москвы.

В то же время пандемия привела к дальнейшему осложнению отношений между США и Евросоюзом. В нем крайне болезненно восприняли решение Белого дома о закрытии в марте 2020 г. границ без согласования с Брюсселем. Вопиющими были расценены факты перехвата и перекупки американцами в разных районах мира медицинских масок и оборудования, предназначенных для ЕС, как и, например, попытка США в агрессивной манере приобрести немецкую фармацевтическую компанию CureVac, работавшую над изобретением и производством вакцины от COVID-19.

Можно спрогнозировать, что прогрессирующие элементы деглобализации и различные формы стратегической расстыковки США и их союзников будут стимулировать и облегчать интеграцию военно-промышленных комплексов стран – членов ЕС. Так, если экспорт французских вооружений в 2019 г. в целом снизился на 8%, то в европейские страны он вырос до 45% от общего объема. Причем эти результаты были достигнуты в острой конкурен-

15 EU Defence Washington Forum (2020) // Brookings, July 8–9, 2020 // <https://www.brookings.edu/events/webinar-eu-defense-washington-forum/>, дата обращения 15.10.2020.

16 EU–China – A Strategic Outlook (2019) // European Commission // <https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf>, дата обращения 15.10.2020.

ции с США [Французский экспорт вооружений 2020]. Продолжаются работы по реализации франко-германского проекта по созданию боевого танка нового поколения. К деятельности в этом направлении в мае 2020 г. приступил консорциум оборонных компаний двух стран. Предполагается, что замена немецкого танка «Леопард-2» и французского «Леклерк» на новый образец начнется в 2035 г. Импульсы к военной интеграции стран-членов очевидны и на примере информации о разработке Францией и Германией дальнейшей стратегии оборонного сотрудничества ЕС и подготовке к концу 2020 г. новой оценки угроз [Брюссель выступил за оборонную интеграцию 2020].

Отмечая эти факты, необходимо подчеркнуть, что на пути дальнейшего развития «стратегической автономии» Евросоюза стоят не только политические преграды, но в неменьшей степени и финансовые, лишь усугубленные пандемикой. Предварительные параметры нового 7-летнего бюджета ЕС, согласованные на рекордном по продолжительности саммите организации 17–21 июля 2020 г., сулят ее Общей политике и политике безопасности мало хорошего. По сравнению с предложениями Еврокомиссии по компоновке бюджета, финансирование внешнеполитических и оборонных программ на 2021–2027 гг. урезано (только в части внешнеполитических программ – на 15 млрд евро).

***

С учетом великого множества мнений и интерпретаций о влиянии и последствиях пандемии, высказанных в последнее время специалистами в России, Европе в целом и в США, постараемся выделить ключевые стороны ко-

ронакризиса с точки зрения международных отношений.

Первое. Конкуренция между ведущими центрами силы в мире ускоряется и приобретает все более ожесточенный характер. В ход идут политические, экономические, идеологические, военные, информационные инструменты убеждения и принуждения, не говоря уже о приемах пропаганды и деятельности спецслужб. Даже вопрос создания вакцин от COVID-19 усиливает раздоры между государствами, обнажая «национальные эгоизмы». Создание лекарства от этого вируса превращается в тему для шпиономании. В июле текущего года Британия, США и Канада обвинили Россию на сей раз в попытке украсть информацию о разработке вакцины от коронавируса¹⁷.

Второе. Одной из несущих осей этой конкуренции со всей очевидностью становятся противоречия между США и Китаем, причем первые являются стороной, нагнетающей конфронтацию. В то же время реалии в том, что Китай не только в целом успешно и в кратчайшие сроки справился с эпидемией, но и экономически продолжает значительно опережать темпы развития экономики США и большинства конкурентов. Конфликтность между Вашингтоном и Пекином не является одномерным явлением. Если политическая и технологическая расстыковка между ними шла полным ходом, то, например, финансовые связи двух стран по-прежнему усиливались [Дынкин, Телегина 2020, с. 8].

Третье. Развернулась дискуссия о сути и масштабах этих противоречий, где сталкиваются два мнения: что американо-китайское противостояние ведет к новому изданию глобальной би-

17 Васильева М. (2020) Россию обвинили в шпионаже и вмешательстве // EuroNews. 16 июля 2020 // <https://ru.euronews.com/2020/07/16/russia-accused-of-spying-and-intervention>, дата обращения 15.10.2020.

полярности и что соперничество двух ведущих экономик на планете является по своей природе двусторонним конфликтом, который по ряду объективных причин не может вылиться в новую биполярность, сравнимую с эпохой холодной войны. Провозгласить ее, конечно, можно, но это не будет отражением реальности.

Четвертое. Мировая экономика втягивается в самую глубокую рецессию со времен Второй мировой войны или даже Великой депрессии. По мере этого растут показатели социального неравенства как на мировом и региональном, так и на внутривнутристрановом уровне. Мировой экономический спад является источником грозных рисков, но одновременно и возможностей, особенно в области «зеленой» экономики, биотехнологий, роботизации и т. п.

Пятое. Продолжается стратегическая расстыковка США и их союзников, в первую очередь европейских. Еще несколько лет тому назад такой тезис был в диковинку, но сейчас он стал общим местом в рассуждениях ведущих европейских политиков и мозговых центров по обе стороны Атлантики. «Репобалансировка» (*pivot to Asia*) в сторону Азии была объявлена не Д. Трампом, а его предшественником Б. Обамой, а до него открыто пренебрегал мнением ключевых европейских союзников Дж. Буш-мл. Вне зависимости от исхода президентских выборов в США Европа для Вашингтона останется по своей приоритетности вторичной по сравнению с Азией. Уже практически во всех стратегических документах Вашингтона, и политических, и военных, соперником номер один рассматривается Китай, что естественно с учетом его экономической мощи и быстро-

го наращивания военного потенциала. В июле 2020 г. государственный секретарь США Майк Помпео выступил с программной речью, в которой фактически провозгласил новую холодную войну против Китая и которая претендует на титул «Фултон 2.0»¹⁸.

Не только снижается былая интенсивность интереса Америки к Европе (как и к Ближнему Востоку), но этот процесс носит обоюдный характер. Благоприятное мнение о США высказывают лишь 45% итальянцев, 41% британцев, 40% испанцев, 31% французов и 26% немцев. Причем такие цифры лишь отчасти коррелируют в Европе с негативным имиджем Д. Трампа. Если это было бы не так, то, например, 52% немцев не выступали бы против нахождения американских войск в их стране.

Шестое. Усиливаются неопределенности и риски в развитии Евросоюза; пандемия обострила его внутренние проблемы, привела к всплеску евроскептических настроений, острым разногласиям между странами-членами по целому ряду вопросов как по линии «север – юг», так и по линии «запад – восток». В то же время драма Брекзита привела к определенной консолидации внутри объединения; опасность эффекта домино по выходу из ЕС других стран-членов на сегодня снята с повестки дня. Это не означает, что снизилась угроза целостности нескольких государств из-за сепаратистских настроений, которые вызваны не пандемией, а намного более глубокими причинами. Например, это касается Бельгии, где постоянного правительства нет уже с мая 2019 г., Испании (каталонский сепаратизм) и, уже за рамками ЕС, Британии (сепаратизм в Шотландии и сре-

18 Communist China and the Free World's Future (2020) // U.S. Department of State, July 23, 2020 // <https://www.state.gov/communist-china-and-the-free-worlds-future/>, дата обращения 15.10.2020.

ди католиков-республиканцев Северной Ирландии).

Седьмое. Параллельно идут два процесса: дальнейшее сближение России и Китая, в основном в политико-военной сфере, и рост конфронтационности в отношениях России, с одной стороны, и США и Евросоюза – с другой. В ЕС мнения о политике в отношении России по традиции разнятся, однако тон задают наиболее антиросийски настроенные страны – Польша и государства Прибалтики. Также существует вероятность перехода Германии в лагерь жестких противников России, что продемонстрировали события вокруг А.А. Навального, как и недалекие перспективы завоевания власти в Германии политиками, являющимися противниками какого-либо стратегического сотрудничества с Москвой.

Восьмое. Все хуже функционируют международные механизмы согласования интересов на фоне стремления опереться на региональные интеграционные проекты, региональное сотрудничество, государственную промышленную политику, принципы локализации, деофшоризации не только экономических, но и политических факторов. Происходит, как отмечено выше, не только стратегическая расстыковка США и их европейских союзников, но Вашингтон стремится осуществить экономическую расстыровку с Китаем (особенно в части торговли и технологий), т. е. с первой экономической планеты по паритету покупательной способности.

В этой ситуации институт национального государства с новой силой предстает опорным для решения как внутренних задач, так и для поддержания международного сотрудничества. Стремление к ренационализации внешней и внутренней политики способствует этому процессу. К ренессансу института государства-нации ведут многочисленные проявления де-

глобализации, которые, однако, имеют свои пределы. В то же время усиление роли этого института сопровождается острой необходимостью межгосударственного взаимодействия для решения трансрегиональных и глобальных проблем, включая распад системы контроля над вооружениями, повсеместный рост социального неравенства, глобальное потепление и др. Многосторонние институты находятся либо в состоянии стагнации, либо переживают кризис; в первую очередь речь идет о ВТО, ВОЗ, ОЗХО, ЮНЕСКО, ООН в целом. В год 75-летия с момента ее создания эта всемирно признанная и универсальная организация испытывает на себе весь негатив противоречий среди своих членов, особенно в Совете Безопасности.

Девятое. В то время, как в мире ужесточается политическое и экономическое противоборство, все чаще в ход идут инструменты санкций, политического шантажа, недобросовестной конкуренции, ведутся информационные войны и осуществляется гибридное воздействие на соперников, продолжается развал системы контроля над вооружениями. Ряд стран возвели в принцип государственной политики накачку своих территорий импортными вооружениями и живой военной силой, направленными на борьбу с «российской угрозой». Невысока вероятность продления СНВ-3, как и спасения Договора по открытому небу с учетом того, что США два предшествующих десятилетия планомерно разрушали архитектуру международной безопасности, особенно в годы президентства Дж. Буша-мл. и с новой силой при Д. Трампе. Растет диспропорция между захлестывающим массовые слои населения интересом к экологической и климатической проблематике и контрастирующим с этим пренебрежением угрозами милитаризации и новой гонки вооружений.

Список литературы

- Белов В.Б. (1) (2020) COVID-19 – Game Changer европейской экономики? // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 3. С. 4–12. DOI: 10.15211/vestnikieran32020412
- Белов В.Б. (2) (2020) Новая промышленная стратегия Евросоюза // Аналитические записки ИЕ РАН. № 13 // <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an196.pdf>, дата обращения 15.10.2020.
- Брюссель выступил за оборонную интеграцию в свете напряженности между США и Китаем (2020) // ИТАР-ТАСС. 6 июня 2020.
- Громыко Ал.А. (1) (2020) (Дез)интеграционные процессы: кризисы «глобального мира» // Обозреватель – Observer. № 7. С. 24–38 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43355930_94128854.pdf, дата обращения 15.10.2020.
- Громыко Ал.А. (2) (2020) Последствия пандемии для международных отношений // США и Канада: экономика, политика, культура. № 5. С. 71–77. DOI: 10.31857/S268667300009429-1
- Громыко Ал.А. (3) (2020) Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 2. С. 4–13. DOI: 10.15211/vestnikieran22020413
- Громыко Ал.А. (4) (2020) Метаморфозы политического неолиберализма // Современная Европа. № 2. С. 6–19. DOI: 10.15211/soveurope220200619
- Данилов Д.А. (2020) НАТО в условиях коронавируса // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 3. С. 21–27. DOI: 10.15211/vestnikieran320202127
- Дынкин А.А., Телегина Е.А. (2020) Шок пандемии и посткризисный мир // Мировая экономика и международные отношения. Т. 64. № 8. С. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-5-16
- Коньшев В. (2020) Незаразный взгляд на мировую политику // Мировая экономика и международные отношения. Т. 64. № 3. С. 130–135. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-3-130-135
- Миловидов В., Аскер-заде Н. (2020) Протекционизм 2.0: новая реальность эпохи глобализации // Мировая экономика и международные отношения. Т. 64. № 8. С. 37–45. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-37-45
- Потемкина О.Ю. (2020) Влияние COVID-19 на свободу передвижения и миграцию в Евросоюзе // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 3. С. 89–94. DOI: 10.15211/vestnikieran320208994
- Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. (2020) Франко-германский тандем перед лицом коронакризиса // Современная Европа. № 4. С. 16–24. DOI: 10.15211/soveurope420201624
- Степанова Е. (2020) Вооруженные конфликты начала XXI века: типология и направления трансформации // Мировая экономика и международные отношения. Т. 64. № 6. С. 24–39. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-24-39
- Французский экспорт вооружений снизился в 2019 г. более чем на 8% (2020) // ИТАР-ТАСС. 2 июня 2020.
- Шумилин А.И. (2020) Фактор пандемии во внешней политике Евросоюза // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 2. С. 14–21. DOI: 10.15211/vestnikieran220201421
- Щербак И.Н. (2020) ОБСЕ на фоне пандемии: шансы на ренессанс // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 3. С. 28–33. DOI: 10.15211/vestnikieran320202833
- Piketty T. (2014) Capital in the Twenty-First Century, Harvard University Press.
- Piketty T. (2019) Capital and Ideology, Harvard University Press.

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-1

The Pandemic and the Crisis in the System of International Relations

Alexey A. GROMYKO

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Politics, President of the Association of European Studies (AES), Director

Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, 125009, Mokhovaya St., 11/3, Moscow, Russian Federation

E-mail: alexey@gromyko.ru

ORCID: 0000-0003-4228-1552

CITATION: Gromyko A.I.A. (2020) The Pandemic And the Crisis In the System of International Relations. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 5, pp. 6–19 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-1

Received: 20.09.2020.

ABSTRACT. *The research is focused on several key problems in the system of international relations influenced by the COVID-19 pandemic. It is shown that the events caused by it and broadly identified as a coronacrisis have a direct impact on the world economic contradictions (pandenomica) and political ones, including the sphere of security. These particular aspects are chosen as the main objects of the research. The author contends that the factor of the pandemic has sharpened the competition between regional and global players and has increased the role of a nation-state. In the conditions of transregional deglobalisation, regionalism and “protectionism 2.0” get stronger under the banners of “strategic vulnerability” and “economic sovereignty”. A further weakening of multilateral international institutions continues. The EU endeavours to secure competitive advantages on the basis of relocalisation, industrial and digital policies and the Green Deal. The article highlights the deterioration in the relations among Russia, the US, the EU and China, the un-*

folding decoupling between Washington and its European allies, which stimulates the idea of the EU strategic autonomy. An urgent need for the deconfliction in Russia – NATO interaction is stated.

KEY WORDS: COVID-19, coronacrisis, pandenomics, deglobalisation, protectionism, strategic vulnerability, economic sovereignty, deconfliction, Russia, USA, EU, China

References

Belov V.B. (1) (2020) COVID-19 – Game Changer of the European Economy? *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS*, no 3, pp. 4–12 (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran32020412

Belov V.B. (2) (2020) New Industrial Strategy of the European Union. *Analytical Note of the Institute of Europe RAS*, no 13. Available at: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an196.pdf>, accessed 15.10.2020 (in Russian).

Brussels Spoke out for Defense Integration in the Light of Tensions between the US and China (2020). *ITAR-TASS*, June 6, 2020 (in Russian).

Gromyko Al.A. (1) (2020) (Des) Integration Processes: Crises of the “Global World”. *Obozrevatel' – Observer*, no 7, pp. 24–38. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43355930_94128854.pdf, accessed 15.10.2020 (in Russian).

Gromyko Al.A. (2) (2020) Consequences of the Pandemic for International Relations. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, no 5, pp. 71–77 (in Russian) DOI: 10.31857/S268667300009429-1

Gromyko Al.A. (3) (2020) Coronavirus as a Factor in World Politics. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS*, no 2, pp. 4–13 (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran22020413

Gromyko Al.A. (4) (2020) Metamorphoses of Political Neoliberalism. *Contemporary Europe*, no 2, pp. 6–19 (in Russian). DOI: 10.15211/soveurope220200619

Danilov D.A. (2020) NATO in the Context of the Coronavirus. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS*, no 3, pp. 21–27 (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran320202127

Dynkin A.A., Telegina E.A. (2020) The Shock of the Pandemic and the Post-crisis World. *World Economy and International Relations*, vol. 64, no 8, pp. 5–16 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-5-16

French Arms Exports Decreased by more than 8% in 2019 (2020). *ITAR-TASS*, June 2, 2020 (in Russian).

Konyshhev V. (2020) Non-contagious View of World Politics. *World Economy and International Relations*, vol. 64, no 3, pp. 130–135 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-3-130-135

Milovidov V., Asker-zade N. (2020) Protectionism 2.0: The New Reality of the Era of Globalization. *World Economy and International Relations*, vol. 64, no 8, pp. 37–45 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-37-45

Piketty T. (2014) *Capital in the Twenty-First Century*, Harvard University Press.

Piketty T. (2019) *Capital and Ideology*, Harvard University Press.

Potemkina O.Yu. (2020) Impact of COVID-19 on Freedom of Movement and Migration in the European Union. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS*, no 3, pp. 89–94 (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran320208994

Rubinskij Yu.I., Sindeev A.A. (2020) Franco-German Tandem in the Face of Coronacrisis. *Contemporary Europe*, no 4, pp. 16–24 (in Russian). DOI: 10.15211/soveurope420201624

Shcherbak I.N. (2020) OSCE against the Backdrop of a Pandemic: Chances for a Renaissance. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS*, no 3, pp. 28–33 (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran320202833

Shumilin A.I. (2020) Factor of a Pandemic in the Foreign Policy of the European Union. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS*, no 2, pp. 14–21 (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran220201421

Stepanova E. (2020) Armed Conflicts at the Beginning of the XXI Century: Typology and Directions of Transformation. *World Economy and International Relations*, vol. 64, no 6, pp. 24–39 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-24-39